

Издатель
ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Студенческий научный электронный журнал

StudArctic Forum

<http://saf.petrso.ru>

№1(21) / 2021

Главный редактор
И. М. Суворова

Заместитель главного редактора
М.И. Зайцева

Редакционный совет

В.А. Шлямин
В.С. Сянёв
Г.Н. Колесников
С.В. Волкова

Редакционная коллегия

А.Ю. Борисов
П.С. Воронина (ответственный
секретарь)
Р.В. Воронов
Т.А. Гаврилов
Е.О. Графова
Л.А. Девятникова
М.И. Зайцева
А.А. Ившин
А.Ф. Кривоноженко
А.А. Кузьменков
Е.Н. Лузгина
Ю.В. Никонова
М.И. Раковская
А.А. Скоропадская
Е.И. Соколова
И.М. Соломещ
А.А. Шлямина

Редакция

А. Г. Марахтанов
А. А. Малышев
Р. А. Мацуев

ISSN 2500-140X

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail:saf@petsu.ru

<http://saf.petsu.ru>

История и археология

Корельский уезд (Кексгольмский лен) XVII века в русской и финляндской историографии

**МИХАЙЛОВА Анастасия
Александровна**

ФГБОУ ВО "Петрозаводский государственный
университет" (пр. Ленина, 33),
anastasiamikhajlova98@gmail.com

Ключевые слова:

Российская историография
финляндская
историография Корельский
уезд Кексгольмский лен
русско-шведская война
граница
перебежчики

Аннотация: В статье рассматриваются труды российских и финляндских историков, посвященные положению Корельского уезда (Кексгольмского лена) в XVII веке. Данная работа является первым шагом в исследовании степени изученности драматического периода в истории карельского народа на разных этапах развития российской и финляндской историографии. Автором детально проанализированы и сопоставлены избранные историографические источники первой четверти, середины XX века и начала XXI столетия. В выводе автор указывает на противоречивость историографии в оценках положения карельского региона в XVII веке.

Основной текст

Российско-шведские отношения XVII века достаточно подробно изучены в историографии. В этот период во взаимоотношениях России и Швеции происходили события, которые зачастую не поддаются однозначной трактовке. Особое внимание исследователей привлекает положение Карелии в контексте политики двух претендовавших на приграничные территории государств. Разумеется, оценки этого положения различаются в зависимости от времени написания историками работ и, следовательно, от преобладавших факторов влияния. Карелия как регион, в котором в прошлом происходило столкновение двух миров, западного и восточного, проявлявшееся в разных сферах жизни, является благодатной почвой для изучения, что обуславливает многообразие подходов и мнений. Для того чтобы составить некий общий взгляд на положение региона в указанный промежуток времени, необходимо сделать последовательное, поэтапное сопоставление работ отечественных и зарубежных авторов. В качестве представителей зарубежной историографии нами были выбраны финляндские исследователи, так как, по справедливому замечанию Магнуса Мёрнера, «положение дел на этой стороне границы постоянно и закономерно вызывало интерес как в прошлом, так и в настоящем» [Мёрнер, с. 78].

Анализируя историографию первой четверти XX века, мы не можем обойти вниманием работу Василия Петровича Крохина (1871—1949) «История карел» [Крохин]. Важно подчеркнуть, что труд Крохина в какой-то мере явился основополагающим для исследователей истории Карелии XVII—XVIII столетий.

Крохин особо подчёркивал, что в первое время после заключения Столбовского мира шведская корона пыталась убедить карельское население на захваченных территориях, что никаких притеснений для православия не последует. Было обещано даже дать разрешение на поездки в Новгород по духовным делам [Крохин, с. 589—590]. В действительности же шведские власти предпринимали меры, которые были направлены на искоренение православия. Так, было запрещено строить и восстанавливать православные храмы и монастыри. Автор отмечал, что целью шведов являлось обращение православных карелов в лютеранство, а не изгнание их из родных деревень. Главное средство видели в замене русского языка финским. Подчеркнём, что на это первым в историографии обратил внимание именно Крохин. Кроме того, в Карелию шведские власти стали ссылать различных преступников, что закономерно вело к росту произвола и злоупотреблениям местных властей. Все эти факторы вели к увеличению числа перебежчиков.

Крохин не сомневался, что с началом в 1656 г. русско-шведской войны, когда российские войска смогли занять Кексгольм, переселение карелов приняло невиданный раннее массовый и организованный характер. Он же первым обратил внимание на то, что не успевших сбежать на русскую территорию карелов шведско-финские войска сурово наказывали. Вслед за этим последовал новый виток мер шведского правительства,

укрепивших позиции лютеранства в регионе.

Крохин также упоминал о серьёзных ограничениях в правах населения Кексгольмского лена. Например, его жители не имели права посылать своих депутатов в риксдаг. Автор подчёркивал, что это было сделано для того, чтобы лишить их возможности жаловаться на угнетённое положение из-за приверженности православию. В целом, как выяснил Крохин, земли бывшего Корельского уезда оказались в удручающем, по сравнению с другими владениями шведской короны, состоянии.

Финляндскую историографию начала XX века в нашей работе представляет Лаури Летонмяки (1886—1935) — активный участник революционного движения в Финляндии, поэт, журналист, которому принадлежит несколько статей по истории Карелии и революционного движения в Финляндии. Ряд формулировок и выражений, использованных автором, позволяют утверждать, что он находился под сильным влиянием идей марксизма.

Интересующий нас в контексте исследования раздел книги, название которой (в переводе на русский язык) – «Особенности истории Финляндии и Карелии» [Letonmäki], начинается с характеристики реформ шведского короля Густава II Адольфа. Во время его правления (1611—1632), как подчёркивал автор, происходило усиление королевской власти и сформировалась сильная административная система управления. В то же время, отмечал Летонмяки, в XVII веке в карельских деревнях сохранялась практика народных собраний и были живы традиции самоуправления. Автор не сомневался, что с укреплением государственной власти это «демократическое право» было отнято у народа в пользу бюрократии [Letonmäki, с. 36].

Летонмяки был убеждён, что образование шведской великой державы происходило за счёт военных успехов. Вследствие этого Швеция обрела господство на Балтийском море, что обеспечило реализацию интересов шведских торговых капиталистов, под нажимом которых, как утверждает автор, король и встал на путь войн. Финляндский исследователь акцентирует то, что новообретённый статус стоил многих страданий для крестьянства, так как именно за его счёт обеспечивались нужды армии. Помимо этого, крестьяне были обязаны дворянству разного рода высокими поборами, а церковь взымала с них десятину. И без того тяжёлая жизнь простого незнатного населения омрачалась также жестоким законодательством [Letonmäki, с. 43].

При изучении историографии середины XX века была выбрана монография Раисы Борисовны Мюллер (1896—1989) «Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв.» [6]. В этой работе, как и в целом в историографии указанного периода, отмечается ключевая и определяющая роль Столбовского мирного договора как для Российского государства вообще, так и для Карелии в частности. Мюллер подчёркивала, что шведские власти выражали особую озабоченность в вопросе о покидавшем приобретённые территории населении и поэтому строго следили за потоком перебежчиков, требуя выдавать каждого беглеца, обращаясь за этим напрямую к московским властям [Мюллер, с. 99].

Несмотря на существовавший запрет перехода представителям белого духовенства и крестьянам, последние всё равно переходили границу. Автор связывала причину этого явления с необычайно тяжёлыми условиями, в которых крестьянство оказалось под властью шведов. В то же время, не сомневалась Мюллер, даже тем, кому было дозволено перебраться из одного государства в другое, оказывалось чрезвычайно трудно покинуть шведские владения. Мюллер подчеркивала, что Московское правительство, в свою очередь, старалось не возвращать Швеции тех карелов, которым всё же удалось сбежать. Характеризуя положение дворянства, автор отмечала, что дворяне, отказывавшиеся принимать лютеранство, лишались своих имений.

Бедственное положение карельского населения, в особенности крестьян, закрепощённых шведами, усугублялось ещё и тем, что шведская корона прилагала все усилия для насаждения протестантизма и прибегала к всевозможным методам, чтоб искоренить православную религию. Для этого использовались как поощрения, так и суровые наказания. В этих условиях, согласно выводу Мюллер, православие стало знаменем, борьба за него отождествлялась с национальной борьбой с иноземцами.

В отношении финляндской историографии нельзя обойти вниманием очерк Хейкки Киркинена (1927—2018), содержащийся в коллективной монографии «История карельского народа» [Кирхинен]. Одно из ключевых замечаний, сделанных Киркиненом, касается возможности Карелии развиваться в качестве самостоятельного государства, чему, как отмечает исследователь, помешало геополитическое положение региона, находившегося в эпицентре взаимных притязаний России и Швеции [Кирхинен, с. 61]. Борьба Швеции за новые территории раздробила Карелию на отдельные части, границы между которыми изменялись в зависимости от соотношения сил соперничавших сторон.

Киркинен утверждает, что Столбовский мир оказал разное влияние на шведскую и российскую части Карелии. Так, по оценке историка, положение в Корельском уезде резко ухудшилось. Этот регион, как и Ингерманландия, оказался в неравном положении с другими владениями шведской короны: к этим территориям относились исключительно как к завоеванным, где власть осуществлялась особым управлением. Тем не менее, полагает Киркинен, понемногу происходило восстановление промыслового и сельского хозяйства. По мнению автора, приспособление к новым условиям экономической жизни проходило не так болезненно, как к изменениям в духовной сфере, где возникали сложности на протяжении всего XVII столетия. Во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. православное население подчинённых шведам территорий встречало русские войска как освободителей и старалось оказывать им различную помощь. Победу в конечном итоге одержала шведская сторона, что усилило поток православных беженцев, и, как утверждает Киркинен, привело к тому, что православные стали меньшинством во всей шведской Карелии.

При анализе историографии XXI века привлекает внимание статья современного российского исследователя Александра Ивановича Чепеля «Граница как иллюзия.

Шведские власти в борьбе за население после Столбовского мира» [Чепель]. Автор заключает, что после подписания Столбовского мира шведско-русская граница разделила издавна живших в едином культурном пространстве людей на две категории: одни остались царскими подданными, другие стали подданными шведского короля. Таким образом, по мнению Чепеля, условия Столбовского договора обострили проблему перебежчиков.

Автор отмечает, что переход населения осуществлялся в обоих направлениях. Он добавляет, однако, что большинство исследователей всё же признают, что основной миграционный поток шёл из шведских владений в пределы России. В связи с этим, как считает Чепель, борьбу за население вела именно Швеция, которая болезненно ощущала потерю рабочих рук.

Исследователь выделяет несколько способов, которыми шведская корона пыталась удерживать и возвращать беглецов. Так, например, шведские власти признавали всех перебежчиков преступниками, даже если они не совершили никакого преступления. Это, как отмечает Чепель, было вполне законным основанием для возвращения беглецов, так как 20 статья Столбовского мирного договора обязывала стороны безоговорочно выдавать всех преступников по первому требованию. Ещё одной мерой шведских властей, призванной удержать православных подданных, был запрет перехода для сельских священников и крестьян, составлявших большинство населения. Временами, подчёркивает Чепель, Швеция и Россия проводили в приграничных пунктах обмен перебежчиков, но это, однако, не разрешало проблему нелегальных переходов.

Автор убеждён, что шведско-русская граница, установленная Столбовским договором, во многом была иллюзорной. Шведские власти, стремившиеся сдержать поток перебежчиков дипломатическими соглашениями, в действительности не останавливались перед незаконными методами в борьбе за население. Чепель замечает, что российские власти, также не соблюдавшие всех договорных обязательств, находились всё же в более выгодном положении, опираясь на представление о том, что всякий православный является царским подданным.

Анализируя современную финляндскую историографию, мы опирались на обзор финляндской литературы на шведском языке. Поэтому весьма важной является работа профессора Стокгольмского университета Магнуса Мёрнера «Наследие Столбовского мира. Шведское правление в Ингрии/Кексгольме 1617—1704 г.» [Мёрнер] Автор выражает уверенность, что к началу XVII века Ингрия и Кексгольм пребывали не в самом лучшем социально-экономическом положении, которое было очень сильно ослаблено после войны 1570—1595 г. На это время приходится также усиление и модернизация Шведского государства. И тут примечателен подчёркиваемый Мёрнером факт, что вместо того, чтобы вывести новые провинции из полного упадка, шведская корона предпочла ввести новые сельскохозяйственные налоги [Мёрнер, с. 81].

Исследователь отмечает, что Столбовский договор позволял русскому населению

в течение определённого времени после его обнародования вернуться в пределы Российского государства. Это положение не касалось сельских священников и крестьян, то есть основной части населения. Но, помимо этого, полагает Мёрнер, в договоре для них также прописывалась возможность остаться в своей вере. Тем не менее, многие крестьяне после издания указа всё же пытались уйти в Россию через границу. Автор замечает, что этот процесс не могли приостановить никакие санкции шведской короны.

В статье утверждается, что первая половина XVII века (после 1617 г.) была самым мирным временем для жителей Ингрии и Кексгольма. Автор выражает уверенность, что главным несчастьем этих провинций периода шведского управления стала русско-шведская война 1656—1658 гг. Несмотря на то, что после неё не последовало никаких территориальных изменений, разрушительные последствия оказались огромными. Число жертв войны составляло шесть тысяч человек, но с 1657 г. из-за начавшейся эпидемии чумы погибло ещё большое количество людей. Другим последствием войны стало образование в обеих провинциях оппозиционных партизанских отрядов, состоявших из крестьян. Это, по мнению Мёрнера, стало причиной того, что миграция православного населения достигла своего пика. В целом, как отмечает автор, последнее десятилетие XVII века ознаменовалось возрождением после войны, и в это время даже наблюдался значительный экономический и демографический рост.

Ещё одной работой, представляющей в нашем исследовании финляндскую историографию XXI века, является статья Антти Куяла «Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года» [Куяла]. Исследователь подчёркивает особо важное место религии во взаимоотношениях шведской короны и жителей Ингрии и Кексгольма. Православное население этих территорий, полагает Куяла, было проблемой для лютеранской Швеции. Им не была гарантирована свобода вероисповедания, но при этом, отмечает автор, и не проводилось насильственное крещение [Куяла, с. 26]. В то же время на этих территориях повсеместно (с подачи королевской власти) основывались лютеранские церкви, причём в их строительстве были задействованы православные жители. Это, как убеждён Куяла, должно было стать довлеющим фактором в деле приведения православного населения к принятию государственной религии Швеции.

В качестве причин, мотивировавших православное население совершать переходы в Россию, Куяла называет рост налогообложения, связанный с участием Швеции в войнах, несколько неурожайных сезонов, а также притеснения на конфессиональной почве со стороны шведских властей. Куяла подчёркивает, что границы в то время охранялись слабо и что у Швеции не было средств, чтоб сдерживать поток беглецов. Он также отмечает, что к бегству из шведских владений православных жителей подталкивали русские дворяне и монастыри, которые обещали им временно освободить их от налоговых выплат.

Автор утверждает, что в ходе русско-шведской войны 1656—1661 гг. значительная часть православного населения Ингрии и Кексгольма бежала в Россию, причём

некоторые делали это добровольно, а некоторые — по принуждению. Куяла не сомневается, что эти переселения были выгодны российскому государству, так как в лице беглецов оно получало новых налогоплательщиков, а также пополняло рекрутские резервы.

Исследователь замечает, что по условиям Кардисского мирного договора 1662 г. Швеция и Россия должны были возвратить военнопленных и мирных жителей. Куяла обращает особое внимание на то, что в русской версии договора было добавлено условие, по которому не следовало возвращать Швеции переселенцев, принявших добровольное православие на территории России. В шведской версии договора такого пункта прописано не было, что даёт автору основание сомневаться в равноправности условий Кардисского мира. Это различие в договоре, добавляет Куяла, в дальнейшем породило разногласия на границах между ингерманландским генерал-губернатором и псковскими и новгородскими воеводами по вопросу о выдаче перебежчиков.

Заключение

Подводя итог приведённым выше наблюдениям по проанализированной историографии, отметим, что наиболее ярко выраженными представляются противоречия между дореволюционной и советской историографией, с одной стороны, и финляндской историографией второй половины XX века, и финляндской современной историографией, с другой. Советская историческая наука выдвигает тезис о том, что Московское государство выступало в качестве защитника угнетённого шведами православного народа. Такая трактовка не совпадает, во-первых, с утверждением Киркинена о потенциальной возможности для Карелии развиваться в качестве самостоятельного государства и, во-вторых, с приводимыми Куяла фактами о насильственном принуждении и даже подкупах со стороны российского государства в отношении перебежчиков. Это мнение также не соответствует сведениями, о которых в начале XX столетия писал Крохин. Кроме того, по-разному оценивается социально-экономическое положение региона в XVII веке. Так, дореволюционная и советская историография свидетельствуют о полном упадке, в то время как финляндские историки второй половины XX века и современные авторы убеждены в частичном восстановлении под властью Швеции хозяйственного потенциала Кексгольмского лена. Необходимо также подчеркнуть, что в российской историографии и финляндской историографии существует очевидная преемственность взглядов и трактовок.

В заключение нельзя не отметить, что каждое проанализированное исследование является важной частью историографии как по истории Карелии, так и по истории российско-шведских отношений. Выглядит вполне логичным, что среди историков разного времени и разных стран существуют разночтения по определённым вопросам. Это лишь усиливает необходимость в ещё более глубоком анализе не только историографических, но и документальных источников для детального сопоставления, а также в выявлении максимально полной историографической картины для изучения разнонаправленных

векторов тенденциозности в оценках исторических судеб обитателей Корельского уезда (Кексгольмского лена) в XVII веке.

Список литературы

1. Киркинен Х. История карельского народа с древнейших времён до Ништадтского мира / Хейкки Киркинен // Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / пер. с фин. Л. Суни; отв ред. И. А. Чернякова. — Петрозаводск, 1998. — С. 9—134.
2. Крохин В. П. История карел / В. П. Крохин // Русская старина. — 1908. — Т. СXXXIV. — Вып. 6. — С. 581—596.
3. Куяла А. Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года / А. Куяла // Русский сборник: исследования по истории России: сб. ст. — Т. XVII. Финляндия и Россия. — Москва: Модест Колеров, 2015. — С. 9—56.
4. Letonmäki L. Piirteitä Suomen ja Karjalan Historiasta [Очерки истории Финляндии и Карелии] / L. Letonmäki. — Москва: Центр, Издательство народов СССР, 1925. — 124с.
5. Мёрнер М. Наследие Столбовского мира. Шведское правление в Ингрии/Кексгольме 1617—1704 гг. / М. Мёрнер // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 78—95.
6. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. / под ред. А. И. Андреева. — Петрозаводск: Изд-во Карело-Финской ССР, 1947. — 177 с.
7. Чепель А. И. Граница как иллюзия. Шведские власти в борьбе за население после Столбовского мира. — [Электронный ресурс] / А. И. Чепель. — Электрон. ст. — Cyberleninka — научная электронная библиотека. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/granitsa-kak-illyuziya-shvedskie-vlasti-v-borbe-za-naselenie-posle-stolbovskogo-mira>, свободный. — (20.11.2020).

History and archeology

Korelsky uyezd (Keksholm County) of the XVII century in Russian and Finnish historiography

MIKHAILOVA Anastasia
Aleksandrovna

Petrozavodsk State University (Lenin Ave., 33),
anastasiamikhajlova98@gmail.com

Ключевые слова:

Russian historiography

Finnish historiography

Korelsky uyezd

Keksholm County

Russian-Swedish war

border

defectors

Аннотация: The author analyzes the works of Russian and Finnish historians devoted to the situation of the Korelsky uyezd (Keksholm County) in the XVII century. This work is the first step in clarifying the degree of study of the dramatic period in the history of the Karelian people at different stages of the development of Russian and Finnish historiography. The author analyzes in detail and compares selected historiographical sources of the first quarter, the middle of the XX century and the beginning of the XXI century. In conclusion the author points out the inconsistency of historiography in the assessment of the situation of the Karelian region in the XVII century.

References:

1. Kirkinen H. Istorijakarel'skogo naroda s drevnejshih vremjon do Nishtadtskogo mira / Heikki Kirkinen // Kirkinen H., Nevalajnen P., Sihvo H. Istorija karel'skogo naroda / per. s fin. L. Suni; otv red. I. A. Chernjakova. — Petrozavodsk, 1998. — S. 9—134.
2. Krohin V. P. Istorija karel / V. P. Krohin // Russkaja starina. — 1908. — T. CXXXIV. — Vyp. 6. — S. 581—596.
3. Kujala A. Finljandija i Rossija kak strany-sosedi s rannih jepoh do 1772 goda / A. Kujala // Russkij sbornik: issledovanija po istorii Rossii: sb. st. — T. XVII. Finljandija i Rossija. — Moskva: Modest Kolerov, 2015. — S. 9—56.
4. Letonmäki L. Piirteitä Suomen ja Karjalan Historiasta [Oчерки истории Финляндии и Карелии] / L. Letonmäki. — Moskva: Centr, Izdatel'stvo narodov SSSR, 1925. — 124 s.
5. Mjorner M. Nasledie Stolbovskogo mira. Shvedskoe pravlenie v Ingrii/Keksgol'me 1617—1704 gg. / M. Mjorner // Severnaja vojna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoj chetverti XVIII v.: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. — Sankt-Peterburg, 2007. — S. 78—95.
6. Mjuller R. B. Oчерки по истории Карелии XVI—XVII vv. / pod red. A. I. Andreeva. — Petrozavodsk: Izd-vo Karelo-Finskoj SSR, 1947. — 177 s.
7. Chepel' A. I. Granica kak illjuzija. Shvedskie vlasti v bor'be za naselenie posle Stolbovskogo mira. — [Jelektronnyj resurs] / A. I. Chepel'. — Jelektron. st. — Cyberleninka — nauchnaja jelektronnaja biblioteka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/granitsa-kak-illyuziya-shvedskie-vlasti-v-borbe-za-naselenie-posle-stolbovskogo-mira>, svobodnyj. — (20.11.2020).